

Пять тайн капитала

(реферат книги Эрнандо де Сото «Загадка капитала»)

Елена Ракова

Эрнандо Де Сото родился в Перу. Большую часть жизни проработал в разных странах на разных должностях. В начале 70-х годов он был личным советником президента Перу Фухимори. Летом 2001г. Де Сото встречался с В. Путиным и А. Илларионовым, которые высоко оценили последнюю книгу Де Сото.

Де Сото известен как автор книги «Иной путь», написанной более 10 лет назад. Последняя книга Де Сото «Загадка капитала» вышла прошлой осенью, она уже переведена на русский язык и опубликована в России. По словам Андрея Илларионова, в книге содержится ответ на вопрос, почему капитализм привел к триумфу на Западе и провалился в остальном мире. Де Сото описывает в этой книге как превратить мертвый капитал в живой и почему живой капитал при неправильном управлении становится мертвым.

В странах третьего мира и в бывших социалистических странах огромное количество собственности, которой люди пользуются, но по тем или иным причинам не владеют. Одни живут на незаконно занятой земле, другие создают бизнес за пределами официальной экономики. Причины всюду похожи - это и бюрократические сложности с покупкой земли, и отсутствие законов о собственности на землю (как до недавнего времени в России), и коррупция, и высокие налоги.

Между тем, по оценке де Сото, вся эта нелегализованная собственность в мире может стоить около \$9,3 трлн., что в 46 раз больше суммы всех кредитов, выданных Всемирным банком за последние 30 лет. Эти активы могли бы стать обеспечением для кредитов, т. е. стартовым капиталом для развития, но эти активы мертвы. "У этих людей есть дома, но нет права собственности на них, есть урожай, но нет земли, есть бизнес, но нет бумажки из регистрационной палаты", - сказал де Сото в интервью журналу Forbes. Именно поэтому они не могут вырваться из этого "докапиталистического подполья", где живут не по закону, а "по понятиям".

По оценкам де Сото, лишь 25 из 207 стран мира по-настоящему пользуются всеми возможностями современного общества, живущего на договорных началах. «Дело не в национальных недостатках тех или иных народов, а в отсутствии ликвидного актива, который можно смело продавать, покупать и закладывать, - говорит де Сото журналу Forbes. - А при отсутствии этой основы для рынка капитала миллиарды долларов иностранной помощи попадают на бесплодную почву». Отсюда главный рецепт де Сото: *легализация нелегальной собственности и максимальное упрощение процедуры приватизации и регистрации бизнеса.*

Здесь, конечно, и начинается самое трудное. Для того чтобы научиться воплощать идеи в жизнь, де Сото в конце 1980-х создал у себя на родине, в Перу, Институт свободы и демократии - исследовательский центр для изучения реальной экономики страны. Экономисты и антропологи, нанятые де Сото, отправились в народ и занялись изучением уличных рынков и сотен нелегальных магазинчиков Лимы. Были обследованы и тысячи сквоттеров (нелегальных собственников), живших на окраинах в бунгало, скроенных из циновок. При этом на официальную и честную регистрацию маленького магазина одежды с одним работником уходило в среднем 289 дней плюс лицензия ценой \$1230. Для получения разрешения на строительство на государственной земле нужно шесть лет плюс почти год на утверждение всех бумаг. Для легализации частного извоза - 26 месяцев. Все это и многое другое де Сото опубликовал в книге "Другим путем". Основная идея книги - показать, что третий мир беден не потому, что ему недостает предпринимательского духа, и не потому, что его душат капиталисты, а потому, что ему не хватает экономического кислорода.

Ученый был приглашен консультировать правительство и сначала работал с президентом Аланом Гарсией, а затем, с 1990 г., с Альберто Фухимори. Программа легализации начала действовать. Было введено правило "одного окна", т. е. все инстанции для получения документа о собственности сведены к одной. Лицензии на предпринимательскую деятельность были удешевлены в несколько раз. К концу сотрудничества с Фухимори (в 1993г. они разошлись по принципиальным вопросам) было легализовано 1,6 млн. из существовавших в Перу 2,3 млн. незаконно построенных домов и 280 000 подпольных мелких предприятий.

С 1990 по 1998 г. цена приватизированной городской земли удвоилась. Начал функционировать рынок ипотечного и потребительского кредита. Кроме того, де Сото "спонсировал" массу экономических законов, позволивших оздоровить ситуацию в стране. Впрочем, в 1998 г. Перу вместе со всей Латинской Америкой пережило финансовый кризис, а в 2000 г. Фухимори, обвиненный в фальсификации результатов выборов и коррупции, скрылся в Японии.

Кризис в Перу на репутации де Сото не сказался, поскольку к 2000г. он уже был международно признанной фигурой. Относительный успех реформ начала 1990-х спровоцировал волну интереса к проекту де Сото в других бедных странах. С середины 90-х рабочие группы Института свободы и демократии уже изучали теневую экономику Гаити, Филиппин и Египта. На Филиппинах эксперты де Сото, в частности, выяснили, что из-за несовершенства законов и коррупции около 60% филиппинцев владеют недвижимостью нелегально. Стоимость этой собственности экономисты оценили в \$133 млрд.

Кризис власти на Филиппинах - импичмент пригласившего де Сото Джозефа Эстрады - не помог делу. Вообще, как отмечают критики перуанского экономиста, его теория, какой бы привлекательной она ни казалась, пока не подтверждена практикой. Как пишет экономист Мадлен Бантинг в британской газете *Guardian*, выход "свет" и доступ к рынку капитала - вещи, конечно, привлекательные, но доводы в пользу "тени" для многих экономик могут и перевесить. Особенно в сильно бюрократизированных экономиках бывших соцстран.

Для предприятий там переход в свет будет означать лишь новые расходы поверх взятки, считает Бантинг. Кроме того, элиты в развивающихся странах не так уж заинтересованы в переменах: они подыгрывают развитым партнерам. Запад закупает у них сырье по возможно низким ценам и поставляет назад производственную продукцию, ограничивая экспорт производственных товаров из самих развивающихся стран. Запад также берет с них большие проценты по долгам. Ничего этого нет в книге де Сото, отмечает Бантинг.

Капитализм для большинства людей, живущих за пределами промышленно развитого мира, - это дорогой частный клуб, приглашение в который раздают где-то наверху. Но приглашения эти на самом деле могут оказаться вполне доступными, считает экономист Эрнандо де Сото. Нужно лишь разбудить "мертвый капитал", которого в развивающихся и бедных странах предостаточно - больше, чем у всего Мирового банка. Как это сделать - автор и пытается объяснить в своей книге «Загадка капитала», которая уже стала мировым бестселлером. Отрывки из нее предлагаются ниже вашему вниманию.

Ключевая проблема состоит в том, как объяснить, почему та часть общества в прошлом, которую я бы не поколебался назвать капиталистической, должна была жить как под стеклянным колпаком, отрезанная от остального мира; почему не было возможно расширить и вовлечь в нее все общество? ... (Почему это было так) значительная часть капиталистической формации была возможной только в определенных секторах, а не во всей рыночной экономике одновременно?

Фернанд Бродель, Колеса коммерции

Время наивысшего триумфа капитализма – это время кризиса.

Падение берлинской стены ознаменовало конец более чем ста лет политической конкуренции между капитализмом и коммунизмом. Капитализм победил как единственно возможный путь рациональной организации современной экономики. Сегодня ни одна ответственная страна не имеет другого выбора. Как результат, с разной степенью энтузиазма, страны третьего мира и бывшие коммунистические страны сбалансировали свои бюджеты, урезали субсидии, приветствовали иностранные инвестиции и снизили тарифные барьеры.

Их усилия были вознаграждены горьким разочарованием. От России до Венесуэлы последние десять лет были временем экономических страданий, падением доходов, чувством страха и обиды; «голодом, пустыми растратами и грабежом» по острому выражению премьер-министра Малайзии Махатира Мохамады. В недавней передовице *New York Time* сказано: «Для большинства стран мира рыночная экономика, превозносимая Западом в отблесках победы в холодной войне, вытеснена жесткостью рынка, осторожностью перед капитализмом и опасностью нестабильности». Триумф капитализма только на Западе может быть рецептом от экономического и политического упадка.

Для американцев, наслаждающихся как миром, так и процветанием, очень легко игнорировать беспорядки, где бы то ни было. Как может капитализм быть в беде, когда индекс Доу Джонсона постоянно растет? Американцы смотрят на остальные нации и видят прогресс, даже если он медленный и неровный. Разве вы не можете скушать Биг-Мак в Москве, взять на прокат кассету с блокбастером в Шанхае, пользоваться Интернетом в Каракасе?

Однако даже в США дурное предчувствие не может быть полностью заглушено. Американцы видят Колумбию, балансирующую перед непосредственной угрозой большой гражданской войны между торговцами наркотиками и охотящейся за ними милицией; неуправляемый мятеж на юге Мехико; значительную часть насильно навязанного Азиатского экономического роста плавно перетекающую в коррупцию и хаос. В Латинской Америке симпатии рыночной экономике убывают: например, в мае 2000г. поддержка населением приватизации снизилась с 46% до 36%. Наиболее угрожающим является то, что в посткоммунистических странах капитализм найден недостаточным, и люди связывают со старым режимом усиления власти по возможности удержать стабильное положение. Некоторые американцы также отдают себе отчет, что единственной причиной их десятилетнего бума является то, что чем более ненадежным выглядит остальная часть мира, тем более привлекательными становятся американские акции и облигации как надежное пристанище международных денег.

В бизнес сообществе Запада существует растущее беспокойство, что провал большинства стран мира построить капитализм будет постепенно двигать богатые страны в рецессию. Поскольку миллионы инвесторов болезненно обнаружат исчезновение

существовавших рыночных активов, глобализация – это улица с двусторонним движением: если Третий мир и посткоммунистические страны не могут избежать влияния Запада, то никто и на Западе не сможет самостоятельно избавиться от них. Враждебное отношение к капитализму также значительно выросло внутри самих богатых стран. Мятежи в Сиэтле на встрече представителей ВТО в декабре 1999г. и два месяца спустя на встрече МВФ/ВБ в Вашингтоне, не зависимо от многообразия поводов для недовольства, ярко осветили гнев, который внушает расширение капитализма. Многие начали вспоминать экономические исторические предупреждения Карла Полянши о том, что свободные рынки могут вступить в противоречие с обществом и привести к фашизму. Япония сражается с наиболее длительным падением деловой активности со времен Великой депрессии. Западная Европа голосует за политиков, которые обещают им «третий путь».

Эти предупреждения, независимо от того, где они возникают, до сих пор только подсказывали американским и европейским лидерам повторять остальным странам все те же скучные лекции: стабилизируйте свои валюты, жестко ее привяжите, игнорируйте продовольственные мятежи и терпеливо ждите возвращения иностранных инвесторов.

Иностранные инвестиции, конечно, вещь хорошая. Чем их больше, тем лучше. Стабильная валюта – тоже благо, также как и свободная торговля, прозрачная банковская система, приватизация промышленности и все остальные меры западной фармакопеи. Однако мы забыли, что глобальный капитализм был опробован до этого. В Латинской Америке, например, реформы, направленные на построение капитализма, были предприняты как минимум четыре раза со времени обретения независимости от Испании в 1820-е г. Каждый раз, после первоначальной эйфории, латиноамериканцы отказывались от капитализма и рыночной экономики. Очевидно, что этих мер недостаточно. Напротив, от них так быстро отказываются, что они практически иррелевантны.

Когда эти меры терпят неудачу, все западные эксперты слишком часто реагируют не анализом адекватности реформ, а обвинением народов третьего мира в недостатке предпринимательского духа или рыночной ориентации. Если они терпят поражение в процветании, несмотря на все превосходные советы, это происходит из-за того, что что-то имеет к этому отношение: они обвиняют протестантскую реформацию или ослаблением этих стран неспособным законодательством колониальной Европы, или их IQ очень низок.

Однако, предположение, что культура объясняет успех таких различных мест как Япония, Швейцария и Калифорния, и что культура снова объясняет примеры относительной бедности таких в равной мере разных стран как Китай, Эстония и Калифорния хуже чем негуманное, оно неубедительное. Диспаритет богатства между Западом и остальной частью мира слишком велик, чтобы быть объясненным только культурой. Большинство людей желают как можно больше выгод от капитала, валя толпой в западные страны.

Города стран третьего мира и посткоммунистических стран изобилуют предпринимателями. Ты не сможешь прогуляться по ближневосточному рынку, пройтись по латиноамериканской деревне или сесть в такси в Москве без того, чтобы кто-то не пытался заключить сделку с тобой. Жители этих стран имеют талант, энтузиазм и изумительную способность извлекать прибыль практически из ничего. Они могут понять и использовать технологию. С другой стороны, американские бизнесмены не хотели бы сражаться за контроль по неразрешенному использованию патентов за рубежом; также как и американское правительство не хотело бы так отчаянно прилагать усилия, чтобы не допустить технологии по производству ядерного оружия в руки стран третьего мира. Рынки – это старинная и универсальная традиция: Христос выгнал купцов из храма 2000 лет назад, а мексиканцы поставляли свои товары на рынок задолго до того, как Колумб достиг Америки.

Но если люди в странах, осуществляющих рыночную трансформацию не жалкие попрошайки, не беспомощно попавшие в ловушку устаревших методов, и не некритические пленники дисфункциональных культур, что препятствует капитализму также обеспечивать богатство как это создается на Западе? Почему капитализм проигрывает везде, кроме Запада?

Загадка капитала: подсказки из прошлого (от Смита до Маркса)

Чтобы раскрыть тайну капитала, следует вернуться к исходному значению этого слова. В средневековой латыни слово “capital” означало голову крупного или мелкого домашнего скота, т.е. важнейший источник крупного или мелкого домашнего скота, т.е. важнейший источник и измеритель богатства в тогдашнем обществе.

Великие экономисты А.Смит и К.Маркс считали капитал двигателем рыночного хозяйства. Их интересовал вопрос, что представляет собой капитал, как он возникает и как накапливается. С точки зрения Смита, производственная специализация – система разделения труда и последующего обмена продуктами труда на рынке – была источником роста производительности и, в силу этого, «богатства народов». И производственная специализация, и обмен стали возможны благодаря капиталу, который Смит определял как совокупность имущества (активов), накопленного для производственных целей. Чем больше накопленный капитал, тем шире возможности специализации и выше производительность общественного труда.

Смит подчеркивает один момент, образующий саму сердцевину загадки, которую мы пытаемся решить: чтобы накопленные активы обратились в активный капитал и послужили расширению производства, они должны *получить определенную форму и воплотиться в определенном предмете*, «который существует, по крайней мере, некоторое время после того, как закончен труд. Некоторое количество труда как будто откладывается про запас и накапливается, чтобы быть затраченным, если понадобится, при каком-либо другом случае». Смит предупреждал, что труд, вложенный в производство активов, не должен исчезать без следа, а закрепляться надлежащим образом в ценности.

Можно спорить о том, что на самом деле имел в виду Смит. Для меня здесь важно то, что капитал представляет собой не накопленный запас активов, а *потенциал* развертывания нового производства. Этот потенциал, естественно, абстракция. Его можно реализовать только после соответствующей обработки и придания ему адекватной формы – так же как в случае с таящейся в материи потенциальной энергии ядерного взрыва. Без процесса преобразования, высвобождающего потенциальную внутриядерную энергию, материя так и останется обычным, скажем, кирпичом. Создание капитала также предполагает процесс преобразования.

Такое принципиальное понимание капитала сегодня оказалось утраченным. Сегодня капитал путают с деньгами, которые представляют собой лишь одну из форм его движения. Деньги – «это великие колеса обращения», потому что ценность не может порождаться этими металлическими монетами. Иными словами, деньги облегчают проведение сделок купли-продажи, но не являются источником и причиной дополнительного производства.

Причиной распространенного и неверного представления, что деньги – это и есть капитал, является то, что в наше время величину капитала измеряют в деньгах. Но при всей полезности деньги сами по себе не обладают полезными свойствами ни одного из активов, которые необходимы для создания капитала. Страны третьего мира и бывшего соцлагеря позорно знамениты склонностью накачивать свои хозяйственные системы пустыми деньгами, что обеспечивает скорее расточение капитала, чем его прирост.

Потенциальная энергия активов

Что может выступать в роли носителя потенциальной способности актива запускать движение производства? Как выделить ценность простого дома и закрепить ее, чтобы она обрела свойства капитала?

Вернемся к нашей аналогии с энергией. Представьте себе горное озеро. Оно может быть использовано по своему «природному» назначению – для купания, ловли рыбы, катания на лодке. Но инженер-энергетик может увидеть в этом озере потенциальный источник энергии. Инженерная задача состоит в организации *процесса* трансформации потенциальной энергии запасов воды, поднятой высоко над уровнем моря, в форму электроэнергии, делающей возможным полезное использование этого потенциала. Иными словами нужна гидроэлектростанция, чтобы извлечь электричество из высвобождаемой энергии падающего потока. Потенциальная энергия воды безмятежного горного озера принимает форму электроэнергии, которую можно по проводам доставить в любое место для разворачивания новой производственной деятельности.

Теперь энергия воды используется для освещения жилья и приведения в движение фабрик и заводов. Чтобы достичь этого, человечеству пришлось научиться определять потенциальную энергию падающей воды и освоить методы ее преобразования в форму электроэнергии, которая допускает производственное применение. Извлекаемая из озера польза не была заключена в озере самом по себе (вроде золота, извлекаемого из золотоносной породы). Она есть результат придуманного человеком процесса, *внешнего* по отношению к озеру. Именно этот процесс обращает воды озера, традиционно бывшие только местом для развлечений и ловли рыбы, в источник электроэнергии.

Подобно энергии, капитал представляет собой скрытую ценность. Чтобы научиться видеть этот потенциал, нужно отвлечься от *поверхности* вещей и подумать о *возможном применении* имеющихся активов. Нужно изобрести процесс придания экономическому потенциалу активов такой формы, которая бы допускала его использование для организации дополнительного производства

В отличие от хорошо известного процесса преобразования потенциальной энергии воды в электрическую энергию, процесс извлечения экономической энергии активов неизвестен. Иными словами, мы знаем, что такое турбинный водовод, турбины, генераторы, трансформаторы и прочие элементы энергосистемы, нужные для извлечения потенциальной энергии воды горного озера, но мы не знаем ключевого процесса преобразования экономического потенциала, скрытого в рядовом жилище, в капитал.

А все дело в том, что ключевой процесс был придуман, прежде всего, не для создания капитала, а для более приземленных целей – для защиты прав собственности на имущество. По мере становления системы собственности в странах Запада постепенно развилось множество механизмов, сделавших возможным производство капитала в невиданных прежде количествах. Мы постоянно обращаемся к использованию этих инструментов, не отдавая себе отчета в том, что они служат порождению капитала. Причиной этого непонимания является то, что, мы знаем их как часть системы защиты собственности, а не как элементы взаимосвязанного механизма придания экономическому потенциалу активов такой формы, которая бы позволяла конвертацию его в капитал. Иными словами, в странах Запада капитал возникает благодаря скрытым процессам, происходящим в лабиринтах официально признанной системы собственности.

Скрытый процесс порождения капитала

Такое истолкование может показаться слишком примитивным или, наоборот, чрезмерно сложным. Но попробуйте представить, можно ли продуктивно использовать активы, которые никому не принадлежат? Как можно было бы удостовериться в существовании этих активов, в реальности и законности операций, преобразующих их и поднимающих их продуктивность, если бы не официально оформленная система прав собственности? Где можно было бы зафиксировать экономические особенности активов, если бы в рамках этой системы не велись юридические документы о правах на владение и

собственность? Чем можно было бы руководствоваться в ходе принятия решений об использовании и передаче активов, если бы не формальная система собственности? Именно официально признанные, формальные отношения собственности определяют процесс, формы и правила, позволяющие превратить активы в элемент активного капитала.

На Западе преобразование активов в капитал начинается с того. Что создается описание наиболее полезных в социальном и экономическом отношении свойств активов, а затем эта информация фиксируется в виде записей в главных бухгалтерских книгах или на компьютерных дисках и тогда воплощается в документ о праве частной собственности. Этот процесс направляют детально и точно проработанные правовые нормы. Записи, фиксирующие право частной собственности, отражают общее представление о том, что является экономически важным и значительным в наших активах. Они сводят воедино и организуют всю информацию, потенциально необходимую для оценки активов, что позволяет нам управлять ими. Сфера отношений собственности – это и есть то самое пространство, в котором мы определяем и используем активы, составляем из них всевозможные комбинации и устанавливаем связи с другими активами. В этом пространстве и возникает капитал.

Любой актив, экономические и социальные свойства которого не зафиксированы в формальной системе собственности, крайне трудно предъявить рынку. Каким образом можно было бы контролировать масштабные рыночные операции с переходящими из рук в руки активами, если бы не система частной собственности? Никому не дано увидеть собственность. Нам дано только наблюдать проявления того и другого – собственности и энергии.

Встав на позицию обитателя внезаконного сектора экономики, я увидел шесть проявлений западной системы частной собственности, позволяющих гражданам создавать капитал. Причиной невозможности разворачивать капитал в странах третьего мира и бывшего соцлагеря является тот факт, что большинство их граждан не имеют возможности опереться на эти проявления или эффекты системы частной собственности.

Эффект частной собственности №1: фиксация экономического потенциала активов

Потенциальная ценность дома может быть выявлена и обращена в активный капитал точно таким же образом, каким выявляют и преобразуют в полезную форму потенциальную энергию горного озера. В обеих ситуациях для перехода из одного состояния в другое требуется процесс, перемещающий материальный объект в созданное человеком пространство символических отображений, где можно освободить ресурс от обременительных материальных ограничений и выявить его потенциал в чистом виде.

Капитал возникает благодаря его отражению в записях о праве собственности, о залоге, в тексте контрактов и в прочих подобного рода бумагах, фиксирующих социально и экономически наиболее полезные характеристики *отношений* активов в противоположность зримым качествам самих вещей. Именно на этой стадии происходит описание и регистрация потенциальной ценности активов. В тот момент, когда вы останавливаете свое внимание на праве собственности на дом, а не на самом доме, вы автоматически совершаете переход из материального мира в концептуальное пространство, в котором живет капитал. Вы читаете регистрационную запись, которая привлекает ваше внимание к экономическому потенциалу дома, отсекая все отвлекающие и не существенные для дела подробности, относящиеся к его физическим свойствам и окружению. В рамках системы частной собственности в центре внимания оказывается дом как экономическое и социальное понятие. Тем самым нас приглашают перестать видеть в доме простое убежище, а значит, и омертвленный актив, и увидеть в нем живой капитал.

Легко убедиться в том, что собственность – это именно понятие, когда дом переходит из рук в руки: в материальном мире ничего не меняется. Глядя на дом, не

узнаешь, кому он принадлежит. *Ваш* дом выглядит сегодня точно так же, как вчера когда он был *моим* домом. И он останется таким же после того, как я его продам или сдам в аренду. Собственность- это не сам дом, а экономическая концепция *относительно* дома, воплощенная в юридических документах. Отсюда следует, что правовая форма, устанавливающая право собственности, есть нечто отдельное от самого актива.

Система частной собственности дала Западу инструменты для производства добавочных ценностей сверх имеющихся материальных активов. Граждане западных стран имеют возможность видеть в своем имуществе не только источник непосредственных материальных благ, но и латентные экономические и социальные возможности. Намеренно или нет, но система частной собственности стала лестницей, по которой эти народы поднимаются из мира материальных активов в концептуальный мир капитала, где активы раскрывают свой производительный потенциал во всей полноте.

Эффект частной собственности №2: интеграция разрозненной информации

Как было отмечено выше, большинству граждан развивающихся и бывших социалистических стран закрыт, как бы они не стремились, доступ к легальной частной собственности. Поскольку они не в состоянии легализовать свою частную собственность, им приходится владеть ею внезаконно. Процветание капитализма на Западе и прозябание в других районах мира объясняется просто: большая часть имущества, принадлежащего гражданам западных стран, включена в систему законных процедур регистрации частной собственности.

Такое положение возникло далеко не случайно. В 19в. политики, законодатели и судьи десятилетиями трудились над тем, чтобы собрать и интегрировать в единую систему разрозненные факты и правила, определяющие отношение собственности в городах и селах, на фабриках и фермах. В результате этого «собиранья воедино» информации о собственности и об отношениях по поводу собственности, которое явилось поистине революционным преобразованием в хозяйственной и социальной жизни народов западных стран, вся соответствующая информация, правила и нормы оказались сведены в единую базу знаний. До этого момента информация о собственности была не столь уж доступна. В каждом земельном хозяйстве или поселке записи об активах и относящихся к ним нормам и правилам фиксировались в рудиментарных регистрационных книгах или были достоянием изустного предания. При этом информация оказывалась разрозненной, и для ее сбора требовались время и усилия. Сегодня каждому понятно, что изобилие фактов далеко не свидетельствует об изобилии информации. Чтобы сделать знание функциональным, развитым странам пришлось все несвязанные и разрозненные данные о собственности свести в единую и всеохватывающую систему.

Эффект частной собственности №3: ответственность собственников.

Интеграция и унификация систем регистрации недвижимости вывела отношения собственности из юрисдикции отдельных районов и местных властей и поместила их в рамки общего закона. Высвобождение собственников из-под сковывающего действия местных норм и установлений и предоставление им возможности действовать в рамках единой правовой системы повышает степень их ответственности.

В результате фиксации отношений частной собственности, вменения связанных с владением недвижимостью прав и обязательств выделились индивидуумы – носители прав и обязанностей. Исчезли и зависимость от отношений с соседями, и необходимость местных соглашений для защиты своих прав собственности. Освобождение от примитивных экономических забот и от обременительных местных ограничений развязало людям руки для деятельности, направленной на повышение ценности и доходности их активов. Но за новые возможности пришлось платить: в рамках легальной системы частной собственности владельцы утратили анонимность. Получив выгоды неразрывно связанные с недвижимостью четких прав и обязанностей, информация о

которых доступна всем и каждому, люди заплатили за это невозможностью прятаться за спины толпы. На Западе такого рода анонимность практически исчезла, а личная ответственность существенно возросла. Тех, кто не платит должным образом за потребляемые блага и услуги, несложно выявить, обложить штрафами, изъять их имущество. Их репутацию и доверие к ним нетрудно разрушить. Властям легко получить информацию о нарушениях закона и невыполнении соглашений; в ответ они могут приостановить предоставление услуг, наложить арест на имущество и отменить все или часть прав, связанных с владением недвижимостью.

Эффект частной собственности №4: повышение ликвидности активов

Одним из самых важных последствий системы частной собственности является повышение ликвидности активов, благодаря чему они могут выполнять дополнительную работу. В отличие от самих объектов недвижимости, права собственности на них легко комбинировать, делить, мобилизовывать, использовать для стимулирования экономических операций. Отщепив от костных материальных активов их экономический смысл, система регистрации прав собственности наделила недвижимость свойством «ликвидности» - способности выступать в форме, удовлетворяющей требованиям практически любых трансакций.

Стандартизовав описание активов, мы, скажем, получили возможность сравнить два различных в архитектурном отношении сооружения, если они предназначены для сходных целей. Это позволяет быстро и дешево различать сходные и несовпадающие свойства активов, обращаться с ними как со взаимозаменяемыми объектами.

На Западе стандартизация описаний облегчает комбинирование объектов недвижимости. Унифицированные правила описания дают возможность подчеркнуть как уникальные свойства каждого объекта, так и их сходство, что способствует поиску возможных комбинаций. Зная, в какой зоне расположен объект, можно определить, кто с ним соседствует, чем занимается, сколько квадратных метров в зданиях, можно ли их соединить, как с наибольшей прибылью эксплуатировать – в качестве ли конторского помещения, гостиницы, книжного магазина или комплекса для игры в теннис.

Эффект частной собственности №5: развитие общественных связей.

Система частной собственности, дающая возможность установить историю активов и их собственников, их соотнесенность с конкретными собственниками, создающая юридически действенные адреса и условия для выполнения контрактов, образует из граждан западных стран сеть легко идентифицируемых и лично ответственных агентов бизнеса. Благодаря функционированию системы частной собственности возникла целая инфраструктура связей, которые, подобно железнодорожным сортировочным станциям, делают возможным беспрепятственное движение активов (поездов) между людьми (станциями). В системе частной собственности защита объектов недвижимости не главное: колонии первопоселенцев, жилищные кооперативы, банды и даже примитивные племена достаточно эффективно защищают собственность своих людей. Главное экономическое преимущество системы частной собственности заключается в том, что она радикально улучшила возможности коммуникаций по поводу активов, их потенциала и использования.

Эффект частной собственности №6: паспортизация сделок.

Важной особенностью западных систем частной собственности, позволяющей им служить основанием сети связей, является то, что все регистрационные записи (свидетельства о собственности, документальное оформление операций, ценные бумаги и контракты, то есть все документы описывающие экономически значимые особенности активов) надежно защищены от потери и подделок. Важнейшим звеном этой цепи хранения документов о собственности являются государственные архивы, которые ведут

досье на все значимые объекты собственности (участки земли, здания, движимое имущество, суда, самолеты, рудники, заводы т.п.), содержащие описание всех важных экономических характеристик этих объектов. Эти досье хранят всю информацию о факторах, ограничивающих или повышающих ценность активов – о наличии закладных, дополнительных прав (на проход или проезд, на прокладку коммуникаций и т.п.), о договорах аренды, об отягощенности долгами. Архивы гарантируют точность и своевременное обновление информации, имеющейся в досье, простоту легкость доступа к этой информации.

Помимо системы государственных архивов действует целая сеть частных организаций, обеспечивающих регистрацию и движение важной экономической информации, которая дает участникам бизнеса возможность повышать ценность активов. Эта сеть частных фирм, обслуживающих функционирование системы частной собственности, включает нотариусов; организации, принимающие на хранение документы, вступающие в силу лишь при наступлении обусловленных обстоятельств или при завершении сделок; фирмы, страхующие точность выполнения сделок; брокеров по закладным; трастовые компании и частные хранилища документов.

Забывтые уроки истории США

В развитых странах у специалистов и руководителей институтов собственности нет задач по легализации отношений собственности. У них в принципе другие задачи. Прежде всего их интересует то, что связано с конкретными правами собственности. Но в переходных экономиках интерес представляют так называемые мета-права, т.е. то, что связано с получением прав на обладание права собственности. Эксперты так и не сумели ответить на мой вопрос, как в рамках законной системы собственности найти место для владельцев нелегальной недвижимости? Как открыть людям доступ к законным правам собственности?

Из моего скромного знакомства с историей Запада я твердо знал, что в определенный момент своей истории каждая из западных стран совершила переход от пестроты и неупорядоченности к единообразию закрепленных законом отношений собственности. Так почему бы за ответом на вопрос о развитии институтов собственности не обратиться именно к истории Запада?

Я пришел к выводу, что технологии никак не влияют на переход к интегрированной системе прав собственности на недвижимость. Ключевым моментом в этих странах было приспособление закона к социальным и экономическим нуждам большинства населения. Западные народы постепенно дошли до осознания того, что общественные договоры, возникшие за пределами легальной системы права, представляют собой легитимный источник, и они нашли пути введения этих договоров в общее правовое пространство. Благодаря этому закон стал инструментом массового образования капитала и экономического роста. Именно это дает жизненную силу современным институтам собственности на Западе. Более того, во всех без исключения странах революционные преобразования отношений собственности всегда представляли собой результат *политической победы*. В каждой стране переменам предшествовало появление небольшой группы просвещенных людей, которые приходили к убеждению, что нет смысла в законе, если значительная часть населения принуждена жить вне его.

История собственности в странах Европы, в Японии и США полезна для понимания сегодняшних проблем властей и населения в развивающихся и бывших социалистических странах. В прошлом каждой из ныне развитых стран явное беззаконие в вопросах о земле было свидетельством не столько преступности, сколько конфликта между правилами, которым следуют мельчайшие землепользователи, и законами, разрабатываемыми властной верхушкой общества. Революционные преобразования заключались в постепенном слиянии этих двух наборов правил.

Загадка правового бессилия

Во многих странах Латинской Америки чиновники предпринимали усилия по созданию легальной системы прав частной собственности. Почему они потерпели неудачу? Причина в том, что они действовали под влиянием пяти фундаментальных заблуждений:

1. во внезаконном или теневом секторе хозяйства ищут прибежища, чтобы не платить налоги;
2. собственность на объекты недвижимости внезаконна, потому что не были надлежащим образом проведены землемерные работы, планировка и регистрация;
3. достаточно добиться того, чтобы собственностью владели по закону, а о расходах на законопослушание правительство может не заботиться;
4. существующие внезаконные установления или «общественные договоры», направляющие жизнь внезаконников, можно игнорировать;
5. добиться изменения столь фундаментальных характеристик общества, как нормы и обычаи, регулирующие как законную, так и внезаконную собственность, можно и при невысоком уровне политического руководства.

Объяснять масштаб теневой экономики, в которой кормятся 50-80% населения, желанием избежать уплаты налогов – это, по меньшей мере, заблуждение. Большинство людей уходит во внезаконный сектор не потому, что он дает укрытие от налогов, а потому что действующие законы государства, сколь бы изящны ни были их формулировки, не отвечают потребностям и стремлениям людей. В Перу, где моя группа разработала программу легализации мелких внезаконных предпринимателей, примерно 276 тыс. человек *добровольно* зарегистрировали свой бизнес в новых организованных нами регистрационных бюро, безо всяких перспектив на сокращение налогов. В теневом периоде развития они вообще не платили никаких налогов. Четыре года спустя сумма налоговых сборов с прежде внезаконных предприятий составила 1,2 млрд. дол.

Стеклянный колпак Броделя сделан не из налогов, не из карт или компьютеров, но только из законов. Большинству граждан развивающихся и бывших социалистических стран использовать недвижимость для создания капитала мешает неадекватная правовая и административная система. Под стеклянным колпаком расположились привилегированные группы общества, заимствующие законы на Западе. За пределами колпака, где живет и работает большинство населения, использование и защита частной собственности обеспечивается всевозможными внезаконными установлениями, представляющими собой местные варианты общественного договора, источником которого является коллективное представление о том, как можно стать владельцем недвижимости и какими должны быть отношения между собственниками. Для создания общенационального согласия по вопросу о законных и эффективных формах организации собственности нужно понимание социальных и психологических процессов – верований, стремлений, намерений, обычаев и правил, подпирющих местные варианты общественного договора. Затем уже нужно с помощью профессиональных юристов составить на их основе единый, имеющий законную силу общенациональный, общественный договор по вопросу о собственности. Именно этого результата сравнительно недавно достигли страны Запада.

Здесь главное понять, что собственность – это не некий объект, который можно сфотографировать или нанести на карту. Собственность не является первичным свойством *активов*. Она представляет собой юридическое выражение экономически значимого согласия *относительно* активов. Закон – это инструмент определения и реализации капитала. На Западе закон в меньшей степени поглощен отражением физических свойств зданий и земельных участков. Его главная задача – обеспечить действенность процессов или правил, позволяющих обществу извлекать из этих активов потенциально содержащуюся в них дополнительную ценность. Собственность – это не активы сами по

себе, а согласие между людьми по поводу того, как следует этими активами владеть, как их использовать и как обмениваться. Сегодня задача большинства незападных стран заключается не в том, чтобы нанести на одну карту все имеющиеся здания и земельные участки (это, скорее всего уже сделано), а в том, чтобы соединить в единое целое имеющие законную силу правовые конвекции, используемые под стеклянным колпаком, с внелегальными установлениями, имеющими хождение за его пределами.

Поднять уродующий общественную жизнь стеклянный колпак можно только средствами права. Легальный правовой порядок должен вступить во взаимодействие с внелегальным, чтобы достичь их интеграции, породить общественный договор в отношении собственности и капитала. Естественно, что для такой интеграции необходимы не только юристы: нужны экономисты, чтобы вести верные расчеты; нужны специалисты по планированию городов и агрономы, чтобы определять приоритетные задачи; нужны топографы, картографы и компьютерщики, чтобы наладить работу информационных систем. Но успех зависит в первую очередь от правильности законов. Все остальное имеет подчиненный и вспомогательный характер.

Роль политиков

Означает ли это, что именно юристы должны возглавить процесс интеграции? Нет. *Обеспечить серьезные изменения в области права могут только политики.* Для этого есть много причин. Прежде всего, именно закон защищает права собственности. Но в развивающихся и бывших социалистических странах реальная задача состоит не столько в улучшении системы защиты уже существующих прав собственности, сколько в том, чтобы дать каждому доступ к праву собственности, то есть создать своего рода «метаравно» Дарование людям такого «метаравно», освобождение их от плохого закона – это дело политиков.

Во-вторых, узаконенные интересы очень узкой, но могущественной группы населения, защищаемые лучшими юристами страны, как правило, противостоят любым изменениям, и такое положение вещей крайне трудно изменить. Чтобы привлечь к делу реформ людей, имеющих богатые связи и много денег, нужны усилия не консультантов, а талантливых политиков, преданных интересам своих избирателей.

В-третьих, создание интегрированной системы частной собственности требует не столько принятия хорошо выглядящих на бумаге законов и указов, сколько разработки органичных убеждений и культуре людей норм, которым бы они охотно следовали. Поддерживать связи с реальной жизнью и с интересами людей – это одна из задач политиков.

В-четвертых, создание условий для легализации теневой экономики – это одна из задач политиков. Правительства должны убедить беднейшие слои своего населения, которые не склонны доверять властям и выживают за счет поддержания традиционного образа жизни, а также покровительствующие им мафиозные круги, что хорошо и выгодно стать участниками гораздо более свободной и масштабной игры. Кроме того, правительства должны убедить влиятельные левые силы, которые во многих странах значительны, что лучший способ помочь своим сторонникам – это разрешить им участие в процессе создания капитала. Правительство должно убедить своих граждан – как имеющих всю полноту прав, так и отчасти лишенную их – в том, что перестроенная, интегрированная система прав собственности будет дешевле, эффективнее для будущего страны, чем существующие раздробленные, имеющие анархический характер установления.

Движение от докапиталистической системы собственности к капиталистической

Современная рыночная экономика невообразима без единой законной системы прав собственности. Если бы развитые страны Запада не сумели интегрировать все титулы собственности в рамках общей для всех системы прав собственности так, чтобы они стали

доступными для каждого, они не смогли бы воспользоваться преимуществами специализации и разделения труда для создания сети рынков и капитала, которые и стали источником богатства этих народов. Неэффективность западных рынков во многом объясняется фрагментарностью и локальностью их установлений в сфере прав собственности. Недостаток единства ограничивает взаимодействие не только между легальным и внелегальным секторами, но даже и внутри последнего. Обмен между внелегальными сообществами существует, но он идет в великом трудом. Такие сообщества подобны кораблям, которые прокладывают свой курс, сообразуясь со взаимным расположением, вместо того, чтобы пользоваться общим и объективным ориентиром, скажем, звездами или стрелкой компаса.

Для создания современной рыночной экономики необходимо единство правовых стандартов.

Переход от ситуации, когда люди целиком полагаются на разнообразие внелегальных решений, опирающихся на взаимное согласие сторон, к кодифицированной правовой системе – это пугающе трудная задача. Именно это пришлось проделать странам Запада, чтобы перейти от докапиталистических «исходных суждений» к систематизированному своду законов. Это позволило им избавиться от своего стеклянного колпака. Но несмотря на все достигнутые успехи, эти страны далеко не всегда сознавали, что именно они делают, и не оставили нам чертежей.

Провалы принудительно навязываемого права

Представление, согласно которому достаточно ввести соответствующий правовой режим, чтобы получить систему прав собственности, отвечающую потребностям современной экономики, совершенно нереалистично, потому что большая часть прав собственности только в малой степени может быть гарантирована правовыми методами. *Сердцевину институтов собственности образуют никогда не подвергавшиеся анализу и преимущественно бессознательные формы социального и экономического поведения, не связанные со сферой правовых отношений.* Это старая проблема философии Гоббса: когда большинство людей послушны закону, правительство может эффективно и (сравнительно) дешево справляться с теми немногими, кто его нарушает. Но когда нарушения закона делаются массовыми, любая власть делается бессильной. Когда сила закона постепенно теряет действенность, у каждого человека появляется стимул следовать исключительно собственным интересам, не обращая внимания ни на какие формальные ограничения.

Развивающиеся и бывшие социалистические страны нельзя обвинить в недостатке политической воли, денег или законодательного обеспечения программ по наделению большинства своего населения правами собственности. Проблема в том, что когда правительства берутся за обеспечение прав собственности неимущих, они действуют так, будто оказались в правовом вакууме. Как если бы они высадились на Луне. Все программы реформ исходят из того, что достаточно наполнить этот вакуум полезными законами. Но, как правило, никакого вакуума нет. Большинство людей обладают немалой собственностью в рамках действенных внелегальных установлений. И хотя имущество бедняков не находит отражения в законных системах регистрации собственности, их права на эти активы закреплены общественным договором, в составлении и поддержании которого они принимают живейшее участие. И когда статутное право противоречит этим внелегальным соглашениям, их участники с негодованием защищаются от попыток вторжения.

Сделать закон органической частью общественного договора

Внелегальные общественные договоры подпирают почти все системы собственности и являются необходимой частью жизни во всех странах, даже современных США. Собственность – это часть социальных отношений, что означает: соответствующие установления работают с наибольшей эффективностью при наличии всеобщего согласия

относительно прав собственности и правил, которым подчиняется использование и движение активов. За пределами Запада внезаконные общественные договоры господствуют по одной простой причине: они гораздо лучше, чем официальные законы отражают общее для всех представление о том, как следует управлять имуществом. Любые попытки создать единую систему частной собственности, игнорируя подпирающие ее коллективные соотношения, с треском врежуются в самые основания прав собственности, вера в которые дает большинству людей уверенность в завтрашнем дне. Попытки реформировать права собственности оканчиваются провалом, потому что чиновники, занимающиеся разработкой и внедрением новых законных отношений в этой сфере, не отдают себе отчета в том, что большинство граждан подчиняются твердым правилам, гарантированным внезаконным общественным договором.

Идея, что законы бывают действенными, только когда они опираются на общественный договор, восходит к Платону, не представлявшему себе других источников легитимности. Даже Иммануил Кант в своей критике Локка писал, что общественный договор должен предшествовать действительным правам собственности, которые всегда нуждаются в признании обществом легитимности соответствующих притязаний. Государственные же законы вовсе не обязательны для этого: если некая группа решительно поддерживает определенные правила и соглашения, этого достаточно, чтобы они являлись опорой права частной собственности и их защищали от притязаний статутных законов.

Вот почему законы и титулы частной собственности, налагаемые без учета существующего общественного договора, оказываются недееспособными: им недостает легитимности. Чтобы ее придать, нужно увязать законы с существующими общественными договорами, которые определяют реально действующие права собственности. Проблема, естественно, заключается в том, что соответствующие общественные договоры нужно собрать по крупицам в сотнях внезаконных юрисдикций, рассеянных по деревням и пригородным поселениям. Есть только один системный метод включения этих общественных договоров в законную систему прав собственности: нужно построить правовую и политическую структуру – мост, если угодно, которая была бы настолько родственна внезаконным установлениям большинства населения, что люди с радостью двинулись бы через этот мост, чтобы присоединиться к новому, всеохватывающему и законному общественному договору. Но этот мост должен быть достаточно прочен, чтобы не рухнуть и не отбросить людей назад, в сферу внезаконного права, и он должен быть достаточно широк, чтобы никто с него не сваливался.

В развитых странах переход от внезаконных отношений к единообразной законной системе частной собственности произошел не на пустом месте. Систематизация законов, лежащих в основе современной системы прав собственности, оказалась возможной только потому, что власти пошли на то, чтобы издавна существовавшие между простыми людьми внезаконные отношения в некоторых случаях вытесняли статутные законы: «Закон одновременно возникал снизу, из структур и обычаев всего общества, - писал Берман, - и с пуском сверху, как выражение политики и ценностей правителей общества. Закон помогал интеграции верхов и низов».

Добившись укоренения официального права собственности в общественных договорах, правительства стран Запада заслужили благожелательное отношение народа, что позволило преодолеть всякое сопротивление. Результатом стала единая легальная система прав собственности. Достигнув этого результата, правительства смогли приступить к интеграции разрозненных конвенций в общенациональный общественный договор. И если прежде только владелец дома и его соседи могли подтвердить, что дом принадлежит именно такому-то, то с приходом легальной системы частной собственности любой получил возможность удостовериться в том, кто чем владеет. Законные титулы частной собственности дали людям возможность предложить плоды своего труда вниманию общенационального рынка. Вот так западные страны создали неиссякающий

источник энергии, обеспечивающей движение современных рынков и всей капиталистической системы.

Интеграция института собственности облегчила людям жизнь и бизнес. Исчезла необходимость участвовать в местном политиканстве, видя в нем основную защиту своих прав собственности. Легальность институтов собственности позволила людям освободиться от обременительных местных установлений, неизбежно возникающих в замкнутых обществах. Стало возможным эффективно контролировать свои активы. И даже более того – имея на руках надежное документальное подтверждение прав собственности, люди смогли сосредоточиться на экономическом потенциале своей недвижимости. А поскольку теперь любой участник рынка получил возможность удостовериться в правдивости их сведений о недвижимости и бизнесе, собственники утратили анонимность и обрели ответственность. Со временем эти механизмы легальных прав собственности создали условия для накопления капитала.

Юристы

Если верить теории, юристы должны быть в целом на стороне реформ и укреплять власть закона. Но на практике большинство юристов в развивающихся и бывших социалистических странах приучены заниматься не укреплением правопорядка, а защитой незыблемости статус-кво. Юристы в большей степени чем специалисты любого другого профиля, повседневно вовлечены в разрешение вопросов собственности. В правительственном аппарате они занимают ключевые позиции и располагают возможностью заблокировать выполнение важнейших решений. *Ни одна другая группа, исключая террористов, не имеет лучших возможностей для противодействия экспансии капитализма. А юристы, в отличие от террористов, знают как делать это, не выходя за рамки закона.*

Создают капитал и капитализм предприниматели и рядовые граждане, но вырабатывают концепции собственности и фиксируют их в законоположениях профессиональные юристы. Незыблемость прав собственности, ответственность владельцев и принуждение к исполнению сделок – все должно быть закреплено в конкретных процедурах и правилах, а без юристов этого не достичь. Именно юристы дали жизнь всем документам, отражающим право собственности. Это и титулы собственности, и регистрационные записи, и торговые знаки, и авторские права, и долговые обязательства, и векселя, и патенты, и акции корпораций. Нравятся вам юристы или нет, без сотрудничества хотя бы с частью из них невозможно изменить режим собственности и процесс формирования капитала.

Трудность заключается в том, что редкие юристы понимают экономические последствия своей деятельности, а их инстинктивные реакции на внезаконность и программы крупномасштабных изменений всегда враждебны. Все стремившиеся к либерализации и легализации собственности реформаторы, с которыми мне приходилось встречаться, считали юристов своими природными врагами.

Участвующих в реформах экономистов консерватизм законников привел в такое уныние, что они не пожалели времени и денег на то, чтобы опорочить юристов. Собрав экономическую статистику по 52 странам за период с 1960 по 1980 гг., Самар К. Датта и Джеффри Б. Ньюджент показали, что при повышении доли юристов в составе рабочей силы на 1 процентный пункт (скажем с 0,5 до 0,5%) экономический рост замедляется на величину от 4,76 до 3,68%. Иными словами, чем больше в стране юристов, тем хуже ее экономические перспективы.

Многих реформаторов особенно раздражает манера юристов обвинять других в недостатках системы собственности. Мне часто приходилось слышать, как юристы восхваляют существующие законы о собственности и, не переводя дыхания, признают, что использовать законные титулы собственности крайне трудно или вовсе невозможно. Такое поведение неприемлемо. Юристы, разрабатывающие законы и экономические

процедуры их применения, не имеют морального права винить во всем тупоумие «стрелочников», выполняющих закон, или недостаточную образованность публики, которая вынуждена им пользоваться. Элегантно сформулировать закон – этого мало. Нужно обеспечить его действенность в условиях той административной и социальной реальности, для которой он был написан.

Частный клуб глобализации

За пределами стран Запада капитализм пребывает в кризисе не потому, что проваливается процесс международной глобализации, а потому что развивающиеся и бывшие социалистические страны не смогли «глобализовать» капитал внутри своих стран. Большинство наследия этих стран рассматривают капитализм как частный клуб, как дискриминационную систему, которая выгодна только Западу и местным элитам, устроившимся под стеклянными колпаком несправедливого закона.

Во всем мире стало больше людей, которые могут красоваться в обуви фирмы Nike и в часах Casio, но, даже украсив свой быт вещами, произведенными на Западе, эти люди отчетливо осознают, что они находятся вне капиталистической игры – у них нет в ней доли. Глобализация не может свестись к установлению взаимосвязей между стеклянными колпаками, прикрывающими привилегированные меньшинства стран третьего мира.

Революция в средствах коммуникаций преобразила мир, и некоторые могут счесть знаменем прогресса тот факт, что египетский сфинкс теперь глядит прямо на неоновую рекламу жареных цыплят из Кентукки. Но при этом только 25 из 200 стран мира производят капитал в достаточном количестве, чтобы получать полную выгоду от участия в мировой системе разделения труда. Источником жизненной силы капитализма являются не Интернет и не сети ресторанчиков быстрого питания. Это – *капитал*. Только капитал предоставляет средства для поддержки специализации, для производства товаров и обмена ими на мировых рынках. Только капитал в состоянии обеспечить рост производительности труда и богатства народов. И при этом лишь западный мир и незначительные группы богатых людей в развивающихся и бывших социалистических странах обладают законной собственностью, а в силу этого и возможностью порождать и эффективно использовать капитал. За пределами Запада капитализм воспринимается все более враждебно, как режим апартеида, закрытый для большинства населения.

Сеятелям капитализма, чванящимся победой над социализмом еще предстоит понять, что макроэкономических реформ самих по себе недостаточно. Не следует забывать, что толчком к глобализации послужило то, что развивающиеся и бывшие социалистические страны, некогда наглухо изолированные, занялись открытием своих рынков, стабилизацией валюты и принятием законов, делающих возможным международную торговлю и частные инвестиции. Все это прекрасно. Не столь прекрасно лишь то, что проводимые реформы предполагают, будто население этих стран уже интегрировано в сферу легальной хозяйственной деятельности, а значит, имеет равные возможности для использования своих активов на открытом рынке. Но это не так.

Как я показал, большинство людей не имеют возможности участвовать в деятельности национальных и международных рынков, потому что у них нет доступа к легальной системе прав собственности, которая одна выделяет в активах их общую родовую сущность и придает им ликвидность, а собственникам – ответственность. Пока активы большинства не оформлены надежными документами и не попали в русло дееспособного бюрократического механизма, они остаются экономически бесплотными и бесплодными.

Достигнув с помощью точных данных стабилизации и корректировки хозяйственных пропорций, макроэкономические программы глобализаторов резко повысили рациональность управления экономикой в развивающихся странах. Но поскольку их данные не отражали того факта, что большинство людей не обладают правами собственности, они проделали только часть работы, необходимой для создания

капиталистической системы и эффективного рыночного хозяйства. Их инструменты разработаны для стран, где упорядоченный закон подвергся внутренней глобализации, так что наличествует действенная и открытая для всех система прав собственности, образующая связь между эффективными методами денежной и инвестиционной политики, то есть все то, чего пока нет еще за пределами Запада.

Слишком многим политикам присущ олимпийский взгляд на процесс глобализации. Стоит им добиться стабилизации и структурной корректировки на макроуровне, обеспечить процветание инвесторов и легального бизнеса и отдать контроль денежного обращения в руки ортодоксальных экономистов, как они считают, что выполнили свой долг. Поскольку вся их политика нацелена только на агрегированные показатели, им не интересно знать, есть ли у людей возможности для участия в жизни национального и международного рынков. Они забыли, что все изменения происходит только через людей. Они забыли о нуждах бедняков. Причина этой поразительной забывчивости только в том, что они не привыкли использовать концепцию *классов*. Как сказал один из выдающихся ученых, им не дано «понять даже, весьма приблизительно, как живут другие».

Реформаторы оставили решение вопроса о собственности неимущих консервативной верхушке корпорации законников, не заинтересованных в изменении status quo. Поэтому активы большинства граждан остаются мертвым капиталом, запертым в границах внелегального сектора. Вот почему в апологетах идей глобализации и свободного рынка начинают видеть самодовольных защитников интересов тех, кто господствует в пространстве, защищенным стеклянным колпаком.

Прислушаемся к Марксу

Большинство программ экономических реформ в бедных странах попадают в ловушку, предвиденную К. Марксом: главное противоречие капитализма, которое готовит его неперемнную гибель, в процессе концентрации капитала в руках незначительного меньшинства. Не обеспечивая большинству населения доступ к рынкам, реформы оставляют плодороднейшую почву для классовой вражды между малочисленным классом привилегированных (капиталистов), сумевших легализовать свои права собственности, и относительно малоимущим большинством граждан, которые не имеют доступа к полноте прав собственности, а потому не могут обращать свое имущество в капитал.

Классовая борьба в наши дни? Разве все эти идеи не рассыпались вместе с Берлинской стеной? К несчастью, нет. Это трудно понять гражданам западных стран, потому что там люди, выпавшие из системы или не вошедшие в нее, живут в замкнутых гетто. Но в развивающихся и бывших социалистических странах нищета носит иной, «открытый» характер – она присутствует повсеместно. В этих странах в «гетто» заперты богатые и благополучные. Те, кого на Западе относят к низшим слоям общества, здесь составляют большинство населения. В прошлом, когда их растущие притязания повисали в воздухе, эти массы обозленных бедняков умели поставить на колени казалось бы несокрушимые правящие элиты (как в Иране, Индонезии и Венесуэле). В большинстве стран за пределами Запада устойчивость правительств зависит от ловкости и преданности тайной полиции, а их высшие круги с полным основанием отгораживаются от сограждан крепостными стенами.

Сегодня различие между развитыми странами и остальным миром в значительной степени сводится к тому, что в первых легальная собственность открыта для каждого, а у всех других общество разделено на классы – на тех, кто в состоянии легально зафиксировать свои права собственности и создавать капитал, и на тех, кто лишен подобной возможности. Если внелегальные права собственности не будут легализованы, эти общества так и будут бестолково мучиться со своими раздвоенными системами национального хозяйства, состоящего из так называемого «законопослушного» сектора, с одной стороны, и небогатого внелегального сектора – с другой. Но поскольку СМИ продолжают совершенствоваться и бедные все лучше осведомлены о том, что они могли

бы иметь, ненависть к системе правового апартеида непременно будет расти. Настанет день, когда большинство, живущее за пределами стеклянного колпака, окажется под знаменами ловких бунтовщиков, оседлавших недовольство масс. «Если мы не найдем способа сделать процесс глобализации более открытым, - говорит Клаус Шваб, обращаясь к Всемирному экономическому форуму, - нас ждет возрождение обычных в истории острых социальных конфликтов, которые обретут международный характер и оттого станут еще опаснее».

Холодная война, может быть, и закончилась, но старые классовые распри никуда не делись. Размах подрывной политической деятельности и повсеместный рост этнических и культурных конфликтов доказывают, что, когда острое недовольство становится массовым, люди объединяются в классы по признаку общей обиды и ущемления прав. «Newsweek» отмечает, что после 1980-х гг. на Американском континенте «у каждого конфликта были свои особенности, но нападающие неизменно чернили общего для всех врага – новый облик латиноамериканского капитализма». В такого рода ситуациях у марксизма есть важные преимущества перед капиталистической наукой, которая не предлагает серьезной стратегии по отношению к неимущим обитателям внелегального сектора. У капиталистов обычно отсутствует системное объяснение того, что за люди образуют низшие слои общества и как следует изменить систему, чтобы помочь им подняться.